

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Правда, правда и ничего кроме правды

К. Г. Михайлов

Московский государственный университет, Москва, Россия; mikhailov2000@gmail.com

Рецензируемая книга посвящена истории генетики, молекулярной биологии и некоторых других экспериментально-биологических наук в СССР–России в 1950–90-е гг.¹ Автор — крупный московский специалист в области цитогенетики Юрий Фёдорович Богданов — пишет в основном о тех организациях и людях, которые ему лично знакомы. Поэтому мы находим в книге очень много информации про московскую биологию, меньше про Новосибирск и Ленинград / Санкт-Петербург, и практически ничего — про Владивосток, Киев и Ташкент... То же касается и персон:

«По какому принципу я выбирал людей, кому отдал предпочтение? Принцип был двуединый и простой: во-первых, все эти люди оказали благотворное влияние на моё становление как учёного, и о каждом из них мне приятно вспоминать и, во-вторых, все они были известными или, по крайней мере, заметными в науке учёными» (с. 5).

Ещё один принцип нигде в книге не высказан, но проведён последовательно: автор не приукрашивает события и поведение отдельных персонажей, пишет «чистую правду». Поэтому некоторые очерки несут лёгкий привкус скандальности и читаются с особым интересом. При этом, к чести автора, «клубничная» тематика в книге практически отсутствует.

Исторически биология до последнего времени подразделялась на физико-химическую (плюс экспериментальную) и общую биологию, и это подразделение в течение многих лет было отражено в структуре биологического факультета МГУ, в форме двух отделений с соответствующими названиями. Отделение общей биологии (второе отделение) объединяло менее модные среди студентов кафедры традиционного, зоологического и ботанического направления. А вот первое, физиолого-биохимическое отделение, включало кафедры генетики, вирусологии, физиологии растений и животных, биохимии и многие другие, которые изучали в первую очередь не сами

---

¹ *Богданов Ю.Ф.* Очерки о биологах второй половины XX века. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2012. 508 с.

организмы во всей их полноте, а разные аспекты их деятельности. Г.Ю. Любарский подразделяет эти направления биологии как предметные и аспектные науки². По-видимому, исследования в экспериментально-биологических дисциплинах более трудоёмки и требуют более сложного оборудования, чем традиционные зоолого-ботанические работы (да что там надо — бинокляр да гербарную папку...), и поэтому исходно они были локализованы в меньшем числе учреждений, чем работы по общей биологии. В этом смысле дать обзор таких исследований несколько легче, чем обзор массы фаунистических и флористических работ.

Композиционно рецензируемое издание состоит из двух больших разделов — очерков об организациях (чуть более трети общего объёма) и очерков об учёных (всего 25 персоналий). Все очерки снабжены фотографиями, из архива как самого автора, так и ряда учреждений. Очень полезен именной указатель в конце книги. Общий список литературы отсутствует, но ссылки на многие работы по биологии и истории биологии даны в сносках.

Первый раздел включает описание биологического факультета и в особенности кафедры физиологии животных МГУ 1951–1957 гг. глазами автора-студента, а также сведения о трёх институтах — общей генетики и молекулярной биологии в Москве и цитологии в Ленинграде. Описывая своё обучение в МГУ, начавшееся всего через три года после печально известной сессии ВАСХНИЛ 1948 г., Ю.Ф. Богданов особо акцентирует внимание на хромосомной (=современной) теории наследственности, с каким трудом это учение доходило тогда до студентов. Студентам кафедры генетики МГУ, «попавшим» под сессию ВАСХНИЛ, пришлось полностью переучиваться. Например, моя мать, Г.Р. Носова (Михайлова) перешла на кафедру цитологии и полностью переделала по новой тематике свою дипломную работу, то есть ей фактически пришлось учиться дополнительно, шестой, 1948/1949 год. Ю.Ф. Богданов ярко описывает историю скандальной «популярной» лекции Т.Д. Лысенко на биофаке МГУ и множество других интересных эпизодов.

Автор вступает в дискуссию с редактором серии книг по истории биологического факультета МГУ Л.И. Лебедевой³, которая позволила себе сократить острые моменты текстов Ю.Ф. Богданова, связанные с борьбой за подлинную генетику, с репрессированными студентами биофака МГУ и т. д. Собственно, из расширенных материалов анкеты-опросника Л.И. Лебедевой и возник замысел рецензируемой книги.

По всему тексту своей книги Ю.Ф. Богданов не скрывает «острые углы» истории биологии того времени. Так, в первом разделе особое внимание уделено простой фигуре генетика, академика Н.П. Дубинина. Насколько мне известно, раньше об этом не было принято говорить. Манера Н.П. руководить созданным в 1966 г. Институтом общей генетики АН СССР (вместо расформированного лысенковского института генетики) вызвала возражения коллег-генетиков, многие из которых ушли

² Любарский Г.Ю. История Зоологического музея МГУ: идеи, люди, структуры. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2009. 744 с.

³ Михайлов К.Г. Как молоды мы были... // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. Вып. 2. С. 122–124.

в другие учреждения. Очень спорной и несправедливой была книга воспоминаний Н.П. Дубинина «Вечное движение», изданная в «Политиздате» в 1972 г. гигантским тиражом в 100 000 экземпляров. Помнится, многие учёные называли эту книгу «Вечное выдвигание»... (другой вариант «Вечное самовыдвигание»). Известный физиолог Х.С. Коштыянец подписал в 1939 г. письмо против Н.К. Кольцова, опубликованное в газете «Правда», — и, похоже, раскаивался в этом всю оставшуюся жизнь. Обо всём этом рассказано в рецензируемой книге прямо и без обиняков.

История институтов, особенно московских, изложена многогранно, от перечисления научных достижений, описания заседаний учёного совета и семинаров, школ по молекулярной биологии и вплоть до институтских новогодних вечеров и капустников...

Биографические очерки во многом перекликаются с более формальными очерками, данными в том же году в книге Н.Д. Озернюка⁴. Выбор персоналий Ю.Ф. Богданова связан в первую очередь с его личными знакомствами (см. цитату выше), но персоны очень и очень интересны, начиная с Н.В. Тимофеева-Ресовского с супругой, А.А. Прокофьевой-Бельговской (и её сверстников и соратников), В.А. Энгельгардта, Б.Л. Астаурова, Д.К. Беляева и заканчивая менее знакомым автору ленинградцем Ю.И. Полянским. Из иностранных учёных очерков, довольно неполных, на мой взгляд, удостоились лишь шесть биологов, в их числе Ф. Крик и Дж. Уотсон, нобелевские лауреаты, авторы расшифровки двойной спирали ДНК. Четверо биологов-иностранцев посетили Москву в 1961 г. в рамках Международного биохимического конгресса и были в гостях на квартире у автора книги, что по тем временам стало событием неординарным, требующим особых согласований с «соответствующими органами». Впрочем, автор честно пишет, что в 1977 г. на хромосомной конференции в Финляндии встреча с тем же Ф. Криком не удалась: «Мы обменялись какими-то фразами, и стало ясно, что его надо оставить в распоряжении его собеседницы» (с. 187). И, наконец, три очерка посвящены зоологам традиционного профиля: министру-биологу, выдающемуся общественному деятелю Н.Н. Воронцову, паразитологу В.И. Фрезе и преподавателю кафедры зоологии беспозвоночных МГУ К.А. Воскресенскому, человеку с необычной фронтовой биографией. Завершает раздел биография фронтовика, партизана, позднее репрессированного и реабилитированного, физиолога А.В. Трубецкого, который, как и многие учёные, в трудные 1990-е гг. отошёл от науки.

Основная мораль книги — хорошие и плохие люди встречаются везде и всегда, даже в самых лучших научных коллективах. Более того, многие фигуры учёных, нарисованные автором, обладают как положительными, так и отрицательными качествами. Эти обстоятельства, давно известные в художественной литературе, не так часто освещаются в работах по истории науки.

Как я уже отмечал, единство плана строения книги не выдержано, и это особенно ярко видно на примере зарубежных биологов. Это не «Очерки о биологах», а «Очерки о некоторых биологах»... Автор пишет в первую очередь только о том, что знакомо ему лично. Помимо необъективности выбора персон, в этом есть и положительные моменты. Историк науки найдёт в рецензируемом издании, в том числе в приложениях, интереснейшие сведения, в том числе архивные: протоколы заседаний парткома

⁴ Озернюк Н.Д. Научная школа Н.К. Кольцова. Ученики и соратники / отв. ред. О.Г. Строева. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2012. 357 с. См. также рецензию: Михайлов К.Г. Птенцы гнезда Кольцова // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. Вып. 3. С. 158–160.

биологического факультета МГУ, письма в ЦК КПСС биологов-лысенковцев, материалы из личных архивов, и т. д. и т. п.

В послесловии автор указывает, что его книга не предназначена для сквозного чтения. Отсюда некоторые повторы в разных разделах рецензируемого издания, которые нельзя рассматривать как недостатки. Несколько разрозненных примечаний в тексте книге адресованы читателям, мало знакомым с биологией и отечественной историей: автор заботливо расшифровал сокращение «ВКП(б)» (с. 35), разъяснил термин «териология» (с. 393)...

В целом, книга довольно хорошо вычитана, но всё же опечатки встречаются, и гораздо чаще, чем хотелось бы... Пожалуй, ещё одна корректура тут бы не помешала. Зато буква «ё» старательно расставлена.

В последние 10–20 лет взаимоотношения физиолого-биохимической и общей биологии изменились: первая — в виде тонких дорогостоящих молекулярных исследований — глубоко проросла во вторую. Отсеквенировать кусок генома какого-либо животного или растения и сделать на основании этого далеко идущие выводы о его систематическом положении стало нормой. Хотя, казалось бы, гораздо интереснее изучать функционирование генных сетей, а не последовательность нуклеотидов. Традиционные исследования по описательной зоологии и ботанике всё больше отодвигаются на задний план «современной науки». Впрочем, против сходной ситуации протестовал московский профессор Г.А. Кожевников ещё 90 лет тому назад⁵.

И, похоже, в области молекулярно-биологических исследований наша российская наука далеко отстала от мировой. Что этому причиной? — книга Ю.Ф. Богданова не даёт ответа. Ведь в 1930-е и в начале 1940-х гг. биологические науки экспериментального цикла развивались в СССР вполне нормально, не испытывая недостатка ни в финансировании, ни в увлечённых энтузиастах. Да, сессия ВАСХНИЛ 1948 г. с её оргвыводами надолго затормозила движение вперёд, но ведь уже в 1964–65 гг. удалось восстановить справедливость, и биология имела все возможности для развития! Неужели всё дело в свёртывании финансирования и в разброде умов в начале 1990-х гг.?! Или изменилась какая-то научная парадигма, а мы не заметили? Теперь центр интереса переместился в дорогостоящие молекулярные технологии, развитие которых по карману только странам «золотого миллиарда». А мы спешим и стараемся догнать, закупая чудовищно дорогое и быстро устаревающее оборудование на Западе... И при этом «за идею» мало кто хочет работать, то есть помимо всего в обществе изменилось отношение к науке и учёным. Впрочем, все эти процессы далеко не завершены, и пока рано ещё пытаться их квалифицированно описать, но вот подумывать на эту тему не мешает...

Несмотря на некоторые шероховатости, перечисленные выше, книга Ю.Ф. Богданова даёт превосходный материал для историков науки. Интерес и даже вкус автора книги к истории и его высокая биологическая квалификация несомненны.

⁵ Михайлов К.Г. Краткий очерк истории Зоологического музея МГУ (1917–1978). М.: Т-во науч. изд. КМК, 2002. С. 6–7.